

ГЛАВА 1

СУББОТА, ПЯТЫЙ ЧАС ВЕЧЕРА

Анна Владимировна волновалась. Для этого не было решительно никаких оснований, но, тем не менее, она не могла избавиться от чувства беспокойства, и чем ближе время подходило к семи часам, тем сильнее становилась ее тревога. Казалось бы, до сих пор все шло прекрасно. Петербургский повар с рекомендациями от самого князя Голицына расстарался на славу, цветы для вечера были выписаны чуть ли не из самой Ниццы, а вина доставлены из французского магазина, нисколько не уступающего московскому, который содержал знаменитый Депре. Вина, между прочим, влетели им в копеечку, и даже сын Митенька, увидев присланный из магазина счет, малость оробел и заморгал глазами. Конечно, семье пора привыкать к новой жизни, ведь Павел Петрович теперь статский советник, и жалованье ему положено в две тысячи рублей в год; мало того, служить он будет теперь не в захолустной Москве, а в блестящей столице, куда семья Верховских перебралась всего несколько дней тому назад.

Анна Владимировна удовлетворенно вздохнула. Так-то оно так, только вот петербургские магазины

эти — сущее разорение, и сразу даже и не разобрать, где деньги берут за дело, а где так, только зря цену вздувают, бесстыжие. Вывески все одна красочнее другой, а что за ними кроется — с непривычки и невдомек московскому провинциалу, который почти не бывал в столице прежде. Хорошо хоть Евдокия Сергеевна, супруга Павлушиного начальника, который вместе с подчиненным перебрался на службу в Петербург, помогла на первых порах обустроиться и объяснила, что к чему.

В Москве все проще, думала Анна Владимировна, поправляя вазу. И извозчики не такие лихие, как здесь, и городские помягче, подушевнее, не то что в столице, где каждый из них полковником глядит и так грозно шевелит усами, что боишься и обратиться лишней раз. Все хорошие магазины в Москве наперечет, там даже и голову ломать не надо: хочешь булочек — ступай себе к Филиппову на Тверскую, надо мужу новую шляпу — пожалуйста к Вандрагу на Петровку. А в Петербурге... Анна Владимировна зажмурилась от сладкого ужаса, вспоминая, во сколько обошлось ей новое платье, шитое у знаменитой портнихи. Евдокия Сергеевна ей по секрету шепнула, что портниха не простая, обшивает даже кое-кого из членов августейшей фамилии. Не самых, положим, высоких членов, потому что тогда бы ее услуги обошлись вдвое дороже, но все же... все же... При одной мысли о том, что она одевается у той же портнихи, что и родственники Его императорского величества, в груди у Анны Владимировны приятно потеплело. Нет, все-таки ничто не может сравниться с жизнью в северной столице, и хорошо, что Павлушу наконец сюда перевели. Привыкнули они и к дорогим магазинам, и к бешеным извозчикам. Митенька наконец

образумится, поступит в университет. Одним словом, все будет — лучше не придумаешь. Именно так, как и должно быть.

Вошла горничная Глаша, которую Верховские привезли с собой из Москвы, — веснушчатая застенчивая девушка, маленькая и отчаянно некрасивая. Конечно, ведь Анна Владимировна понимала, что для спокойствия семьи горничные должны быть ловкие и как можно менее привлекательные, дабы у хозяина не возникало излишних соблазнов. Что касается лакеев, то Павел Петрович волен нанимать любых, лишь бы не воровали ложки и вели себя прилично. Анна Владимировна очень уважала приличия, и теперь, в этот прекрасный осенний вечер, ее не на шутку терзала мысль, что в столице ее могут счесть не *comme il faut*¹, слишком провинциальной для того, чтобы занять достойное место в обществе. Впрочем, на сей случай она своевременно озаботилась принять свои меры. Сегодня будет первый званый вечер, который она устраивает в Петербурге в качестве супруги статского советника Верховского, и, разумеется, она сделает все для того, чтобы он удался.

— В чем дело, Глаша? — спросила Анна Владимировна.

Оказалось, что кудесник-повар с презрением отверг купленную для вечера телятину и требует другой, более свежей. Что же до той, которую приобрели Анна Владимировна с кухаркой Дарьей, то господин повар придерживается такого мнения: ее вполне можно скормить коту Ваське. Глаша, волнуясь, закончила рассказ и робко покосилась на хозяйку. Ще-

¹ *Comme il faut* (франц.) — здесь: приличные люди, полностью соответствующие требованиям общества.

ки Анны Владимировны порозовели: она отлично помнила, что самым бессовестным образом сэкономила на телятине, но ей было неприятно, что ее уличили.

— Право же, я не понимаю, чего он от нас хочет, — беспомощно проговорила Анна Владимировна. Затем, немного подумав, поинтересовалась: — А нельзя ли телятину чем-нибудь заменить?

Глаша пообещала, что спросит у господина повара, и скрылась за дверь. Анна Владимировна сокрушенно поглядела горничной вслед. Просто возмутительно, до чего эти молодые повара горазды драть деньги. Телятина, видите ли, ему не понравилась! Анна Владимировна покачала головой и, заметив у румяной розы увядший лепесток, сердито оторвала его. Однако тотчас же лицо ее обрело привычное терпеливо-покорное выражение — слышались знакомые шаги, и в гостиную вошел Павел Петрович, домашнему одетый в наиновейший шлафрок пунцового цвета. В руках статский советник держал слегка смятую газету.

— Павлуша! — с укором промолвила Анна Владимировна. — В каком ты виде!

— Так ведь рано еще, — улыбаясь, отвечал советник. — И потом, матушка, ты не знаешь здешних петербургских обычаев. Раз назначено в семь, значит, жди к восьми.

Он весь лучился довольством. Но не тем спесивым довольством, которое обыкновенно выводит из себя окружающих, а каким-то очень естественным, симпатичным, проистекающим из неизменно хорошего настроения и миролюбивого, ровного характера. Весь его облик словно говорил: «Жизнь хороша, и жить чертовски хорошо». Сам Павел Петрович был

маленький, кругленький, с пушистыми седоватыми усами и намечающейся на макушке плешью. Он любил кошек и обладал редким даром с первого взгляда внушать детям к себе доверие. Анна Владимировна поглядела на мужа и улыбнулась.

— Ты бы переоделся все же, Павлуша, — попросила она мягко.

Почтенный статский советник в ответ лишь сморщил нос, как мальчишка, и, не отвечая, повалился на диван, где вновь стал просматривать газету.

— Что-нибудь интересное? — спросила Анна Владимировна. Она не увлекалась политикой и ничего в ней не смыслила, но раз они теперь живут в столице, надо быть в курсе происходящего.

— Ничего, представь себе, — все с той же добродушной улыбкой отвечал муж. — Германия опять грозит войной, но Австрия вроде бы колеблется. В российском воздухоплавательном обществе испытывали новый воздушный шар, но неудачно. — Он перевернул страницу. — Граф Толстой, кажется, пишет новую книгу. А в остальном все то же, что и обычно. — Он зевнул, прикрывая газетой рот.

«Надо будет сказать ему, чтобы он не зевал в обществе», — мелькнуло в голове у Анны Владимировны. Она села напротив мужа и сложила руки на коленях.

— Павлуша... — несмело начала женщина.

— Что, ангел мой?

— Меня беспокоят вина. — Анна Владимировна умоляюще поглядела на него. — Ну зачем было столько заказывать, скажи на милость? Шабли, шато д'икем... ликеры разные...

Павел Петрович хитро прищурился.

— А ты бы хотела обойтись одним ланинским

шампанским?¹ Или, может, надо было заказать кахетинское братьев Елисеевых?² — Он пренебрежительно повел своими полными плечами. — Пфф! Еще чего не хватало, в самом деле!

— Но ведь гости вряд ли все выпьют, — умоляюще проговорила Анна Владимировна. — Если что-то останется, мы ведь сможем вернуть ненужное в магазин, правда?

Она смотрела на него, и в ее бледно-голубых глазах застыла такая мольба, что Павел Петрович не нашелся, что ответить. Нет слов, его супруга — добрейшая из женщин, образцовая хозяйка, хлопотливая, внимательная, набожная и к тому же прекрасная мать, но есть все же вещи, которые она упорно понимать не желает. Это в Москве можно вернуть товар, если лавочник вам хорошо знаком, а вот в столице. В столице, если вы начнете позволять себе такие фертикулясы, вас навечно запишут в невежи и медведи. Павлу Петровичу вовсе не улыбалась мысль прослыть медведем, но он прекрасно знал: ежели жене что втемяшится в голову, ее не переубедить. Поэтому он только недовольно покрутил головой и, буркнув: «Делай что хочешь», стал читать списки приезжающих в Петербург.

Вернулась Глаша, и успокоенная Анна Владимировна вполголоса отдала ей приказание: несколько бутылок — самых дорогих — припрятать, а за телятиной кого-нибудь послать, чтобы повар потом не бур-

¹ Н.П. Ланин был редактором «Русского курьера». Помимо того, он владел заводом, который производил фруктовые воды, а также недорогое шампанское.

² В 80-е годы XIX века это вино считалось эталоном, но — эталоном крайне низкого качества.

чал, что у Верховских-де никакого понятия о приличиях и вообще сплошное моветонство. Глаша присела в книксене и удалилась, а Анна Владимировна оглядела гостиную, чтобы убедиться, все ли сделано как надо. В этот особняк они въехали совсем недавно, но с мебелью им определенно повезло. Она ничуть не бросалась в глаза и чем-то неуловимо походила на хозяйку дома — такую же неприметную и вместе с тем незаменимую.

— Иван Андреевич точно будет? — спросила Анна Владимировна.

— Обещал, — лаконично ответил ее супруг.

Иван Андреевич Лакунин был его начальник по ведомству, вместе с которым они и перебрались в Петербург.

— И Владимир Сергеевич обещался быть, — добавила Анна Владимировна. — Вместе с братом.

Владимир Сергеевич Городецкий был когда-то сослуживцем Павла Петровича. Несколько лет назад он вышел в отставку и перебрался в столицу, где дела его по всем признакам пошли в гору. Сейчас он, насколько было известно Верховским, помогал вести дела своему брату Константину, известному адвокату.

— Жаль, Наталья Петровна сказала, что не может принять наше приглашение, — вздохнула Анна Владимировна.

Статский советник поморщился: Наталья Петровна была его родной сестрой, и уж она-то, во всяком случае, могла оказать им честь своим посещением.

— Зато мы увидим Вареньку и ее жениха. Давненько мы ее не видели! — добавила супруга.

— Угу-м, — промычал Павел Петрович.

— Ты знаешь, кто ее жених? — с любопытством спросила Анна Владимировна. Сама она долгое время надеялась, что племянница Варенька выйдет замуж за их Митю, но отец Вареньки, суровый генерал Мезенцев, высказался категорически против брака между близкими родственниками, за что Анна Владимировна его сильно невзлюбила. — Кажется, он военный?

Павел Петрович метнул на нее хмурый взгляд.

— Я знаю только, что он служит при дворе, — сказал он. — Натали не сообщала мне подробностей.

«При дворе, скажите пожалуйста! — мелькнуло в голове у Анны Владимировны. — Уж не лакеем ли?» Однако она согнала с лица скептическое выражение и улыбнулась.

— Все-таки хорошо, что нам удалось заполучить на вечер этого итальянца, — заметила она. — Правда, долго пришлось его уламывать, но...

Павел Петрович вздохнул и спросил довольно равнодушно:

— Ты о хироманте?

По правде говоря, за последние дни жена говорила ему об особом госте много раз, и статский советник уже начал жалеть, что они вообще устраивают этот вечер.

— Конечно, о нем, — несколько обиженно отозвалась Анна Владимировна. — А о ком же еще?

Поскольку в Петербурге у Верховских было все-таки еще слишком мало знакомств, а одними родственниками в таком случае не обойтись, Анне Владимировне пришла в голову гениальная мысль — пригласить на вечер знаменитого хироманта Пьерлуиджи Беренделли, которого они знали еще по Ментоне. Летом Павел Петрович лечился там от камней в поч-

ках, тогда супруги Верховские и познакомились с итальянцем, чья дочь тоже находилась на курорте. Осенью Беренделли возобновил гастроли по Европе, во время которых он неизменно поражал публику своими знаниями — предсказывал судьбу по руке и читал прошлое и будущее с такой легкостью, словно они были открытая книга. Сейчас хиромант находился в Петербурге и вскоре собирался уехать в Париж, так что Анне Владимировне пришлось приложить нешуточные усилия для того, чтобы заполучить к себе знаменитого итальянца. Заручившись его согласием, Анна Владимировна вздохнула свободнее: теперь она была уверена, что ее вечер ждет неминуемый успех. Даже эксцентричная графиня Толстая и та напросилась через Павлушиного начальника к ним в гости, чтобы поглядеть на хироманта. И Городецкие, что ни говори, сначала отнекивались от приглашения, пока не узнали, кого встретят у Верховских. В глубине души Анна Владимировна ликовала.

— Только я не уверена, как надо их рассаживать, — пожаловалась она мужу. — Беренделли будет вместе с дочерью, и он, конечно, знаменитость. Но твой начальник... И, конечно, графиня Толстая...

— Гм, — рассеянно молвил на это Павел Петрович. — Кстати, баронесса Корф вернулась в Петербург из продолжительной заграничной поездки.

Анна Владимировна решила, что ослышалась.

— Баронесса Корф? — удивленно спросила она.

— Мы встречали ее в Ментоне, — напомнил статский советник. — Разве ты забыла?

Анна Владимировна ничего не забыла, а в особенности те взгляды, какие добрейший Павел Петрович бросал летом на очаровательную белокурую баронессу. Мадам Верховской смутно вспомнилось,

что у госпожи Корф были не в порядке легкие. Также она помнила, что баронесса приехала в Ментону не одна, а с двоюродным братом, который говорил преимущественно по-английски и походил на нее как две капли воды. Впрочем, от проницательной Анны Владимировны не ускользнуло, что молодой человек вел себя очень предупредительно по отношению к кухне, — по правде говоря, даже чересчур предупредительно для обычного родственника. У статской советницы осталось впечатление, что этих двоих связывает какая-то тайна, и какого именно порядка тайна, она даже не сомневалась. Конечно же, речь шла об обыкновенном романе! Но Анна Владимировна считала себя выше сплетен и не стала ставить легкомысленной госпоже Корф на вид ее безрассудное поведение. В конце концов, пока кузен находился при ней, мадам Верховская могла не опасаться за своего супруга.

— В Ментоне было так много людей, — вздохнула Анна Владимировна. Павел Петрович недоверчиво покосился на нее, и потому она быстро добавила: — Но баронессу Корф я помню. Послушай, Павлуша...

— Что?

— А тот доктор, который тебя лечил... Венедикт Людовикович... — Анна Владимировна замялась. — Мне только сейчас в голову пришло... Зря мы, наверное, его пригласили.

— Почему? — очень сухо спросил Павел Петрович. По натуре он вовсе не был снобом, и то, что жена пыталась проявлять неуместную разборчивость, его невольно коробило.

— Но посуди сам: графиня Толстая, адвокат Городецкий и... и... — Анна Владимировна не смогла

закончить фразу и только беспомощно развела руками.

Однако Павел Петрович был на редкость твердолюб.

— Не могу понять, отчего это тебя так волнует, — заявил он, пожав плечами. — Уверяю тебя, доктор вхож во многие приличные дома. И в конце концов, чем он хуже твоего хироманта?

Анна Владимировна тихо вздохнула. Боже, и отчего мужчины так упрямы? Конечно, Венедикт Людовикович — почти друг их семьи, и Павлуша ему многим обязан, но вот будет ли его присутствие уместно на их вечере? В конце концов, не стали же они приглашать, к примеру, портного Павла Петровича. А хиромант Беренделли — совершенно особая статья. Он знаменитость такого калибра, которую за честь сочтут принять где угодно, и не надо равнять его с французом-доктором, который вечно курит так неопрятно, что у него все манжеты обсыпаны пеплом. Да!

Вошел Трофим, лакей Верховских (он тоже, как и Глаша, приехал вместе с хозяевами из Москвы), и протянул статскому советнику узкий голубой конверт.

— От господина итальянца, — доложил Трофим, почтительно прокашлявшись. — Только что доставлен.

Павел Петрович открыл конверт и нахмурился.

— Что там? — с замиранием сердца спросила Анна Владимировна.

Ее муж поморщился, не отрывая взгляда от письма, его губы шевелились. Анна Владимировна почувствовала, как сердце опускается у нее в груди все ниже и ниже. Обманул бесстыжий итальянец, как пить дать, обманул! Посулил прийти, а теперь не явится!

— Пропал вечер, пропал! — принялся излагать содержание послания статский советник. — Синьор Беренделли извиняется и пишет, что его дочь Антуанетта чувствует себя неважно и поэтому не сможет к нам приехать. Но сам он обещает быть, как мы и условились.

Анна Владимировна с облегчением выдохнула и откинулась на спинку кресла.

— Можешь идти, — сказал Павел Петрович Трофиму и бросил письмо на столик возле дивана.

— Надо будет сказать повару, чтобы он готовил на одну персону меньше, — с облегчением сообразила его жена. — Значит, сколько всего человек будет за столом?

Павел Петрович наморщил лоб.

— Ты, я и Митя — уже трое, — сказал он.

— Варенька и ее жених — пять, — подхватила Анна Владимировна.

— Иван Андреевич с женой — семь... Беренделли — восемь...

— Графиня Толстая — девять.

— Она сказала, что будет со спутником, — напомнил статский советник.

— С тем композитором, Преображенским? — с любопытством спросила Анна Владимировна.

— Кажется, да.

— Значит, композитор — десятый.

— Владимир Сергеевич и его брат-адвокат — двенадцать. Кого мы забыли?

— Кажется, никого... Нет, погоди. Доктора мы не считали?

— Нет.

— Значит, всего за столом будет тринадцать человек, — подытожила Анна Владимировна. В следую-

щее мгновение ее лицо исказилось ужасом. — Тринадцать? Боже мой! Ну конечно, если Антуанетты не будет... — Она была готова расплакаться. — До чего же необязательные люди эти итальянцы!

— И что из того, что тринадцать? — спросил Павел Петрович. Однако по его лицу было заметно, что он и сам сконфужен.

— Павлуша, разве ты не понимаешь? — вскинулась Анна Владимировна. — Тринадцать! Очень, очень плохо! Просто никуда не годится! Нам надо что-то предпринять, я не желаю, чтобы на моем вечере было тринадцать человек. Такая дурная примета!

Павел Петрович несколько мгновений раздумывал.

— Не торопись, ангел мой, — сказал он наконец. — Кажется, я знаю, как ее обойти.

ГЛАВА 2

НЕОЖИДАННОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Молодая блондинка с карими глазами, одетая в платье модного цвета *mauve*¹, поднялась в свой номер петербургской гостиницы и стала снимать шляпку, когда из-за стены внезапно донесся выстрел.

Следует признать, что молодая особа повела себя на редкость странно. Она не стала визжать, звать на помощь и падать в обморок, как, без сомнений, сделала бы на ее месте любая уважающая себя представительница слабого пола. Более того, блондинка во-

¹ Сиреневый (*франц.*).

обще ничуть не удивилась происходящему. Она лишь разгладила ленты шляпки, вздохнула, направилась к двери и через минуту уже входила в соседний номер, где на кровати лежал молодой человек, на детском лице коего застыло выражение непосредственности. Держа в руке увесистый американский револьвер, он целил в стену напротив, где была прикреплена десятка «пик». Внимательный наблюдатель, если бы такой оказался поблизости, не преминул бы заметить, что четыре значка пик были пробиты пулями.

— Билли, — с легким неодобрением в голосе сказала дама, — кажется, я просила тебя больше не стрелять в гостинице. Это же ни на что не похоже!

Лежащий на кровати шмыгнул носом, покосился на говорящую и со вздохом поднялся. Волосы у него были растрепаны, и он пригладил их свободной рукой.

— Мне хотелось немножко попрактиковаться, — пояснил он смущенно, глядя на собеседницу (кстати, заметим: разговор шел по-английски). — По-моему, я теряю былую сноровку.

Дама в сиреновом поглядела на карту и выразительно вздернула тонкие черные брови.

— Что-то непохоже, — усомнилась она.

— А я говорю, теряю, — вздохнул Билли. — Раньше я стрелял куда лучше. Два промаха из шести, куда такое годится?

И он застенчиво покосился из-под пшеничной челки на даму в сиреновом, которая, слушая его, только качала головой.

— Ты так и не изменился, — сказала она. По ее тону нельзя было понять, радовало ее сие или, напротив, огорчало. — Куда ты хочешь пойти сегодня?

Билли пожал плечами и стал перезаряжать револьвер.

— Мне все равно, — признался он. — Правда- правда!

— И все-таки, куда? — настаивала дама. — В театр? Сегодня дают несколько хороших пьес. Можно прокатиться в оперу, если хочешь, или посмотреть картины в императорской галерее. Хотя я не уверена, что сейчас она открыта.

Билли шмыгнул носом и спрятал револьвер.

— В картинах я ничего не понимаю, — отозвался он. — А в опере все старые.

— Кто старые? — строго спросила дама. Но карие глаза ее смеялись, от чего в них вспыхивали золотые искорки. Билли поглядел на них и смешался.

— Да актеры, — горестно ответил он. — Певица изображает, что ей двадцать лет, а на самом деле у нее наверняка уже внуки есть. А партнер-то ее куда смотрит? Не видит, что ли, кто перед ним?

К его удивлению, собеседница звонко расхохоталась.

— Никак на тебя не угодишь! — воскликнула она, отсмеявшись. — Ну а театр чем тебе не нравится?

Билли задумчиво почесал нос и проворчал, исподлобья глядя на даму в сиреновом:

— Я не говорил, что он мне не нравится.

— Так в чем же дело?

— Ни в чем, — вздохнул Билли. — Можно сходить в театр, я не против.

Вообще-то он был готов идти куда угодно, лишь бы быть рядом с дамой в сиреновом, о чем та отлично знала. Лицо блондинки смягчилось.

— Значит, отправимся в театр, — подытожила она. — На какую-нибудь смешную пьесу, да?

Она улыбнулась, и Билли почувствовал, что тает от ее улыбки, как леденец... И в то же мгновение раздался стук в дверь.

— Войдите! — слегка повысила голос блондинка, перейдя на русский.

На пороге показалась горничная и, стараясь не смотреть на простреленную карту на стене, объявила, что для баронессы Корф есть письмо. Молодая женщина нахмурилась.

— От кого? — довольно сухо спросила она.

— От статского советника Верховского.

— Не знаю такого, — отрезала дама в сиреновом.

Горничная замялась, затем пояснила:

— Посыльный сказал, вы встречались с семьей господина советника в Ментоне.

— А! — Лоб баронессы разгладился. — В самом деле, теперь я вспомнила. Кажется, мы жили в одной гостинице. И чего же он хочет?

Горничная подала ей маленький запечатанный конверт, на котором изящнейшим почерком со множеством завитушек значилось, что он предназначенся госпоже баронессе Амалии Константиновне Корф и никому более. Молодая женщина вскрыла письмо и углубилась в чтение.

— Что-нибудь интересное? — спросил Билли.

Амалия пожала плечами.

— Нас приглашают в гости, — сказала она.

— Кто? — Билли, казалось, заинтересовался.

— Статский советник Павел Петрович Верховский и его супруга. Они устраивают *soirée fixe*¹ и мечтают видеть нас среди гостей. Будут присутствовать также графиня Толстая, адвокат Городецкий и зна-

¹ Званный вечер (*франц.*).

менитый хиромант Пьерлуиджи Беренделли. — При произнесении последнего имени в тоне белокурой дамы сквозила самая непочтительная ирония. Судя по всему, она не слишком верила в хиромантию.

— Адвокат? — недоверчиво спросил Билли.

— Да. А что? Неужели ты о нем слышал?

— Нет, — честно ответил Билли. — И вообще, я знал только одного адвоката. Да и фамилия у него была совсем другая.

Амалия улыбнулась.

— Госпожа баронесса, посыльный ждет ответа, — напомнила горничная.

Но Амалия не торопилась.

— Да-да, теперь я вспомнила Верховских, — задумчиво произнесла она, погружаясь в свои мысли.

Простая московская семья, только муж был тогда не статским советником, а числился рангом ниже. Добродушный человек с круглым брюшком, вокруг которого все время вертелись кошки. Он их гладил и даже подкармливал со своего стола. Между прочим, за все время своего пребывания в Ментоне мужчина даже не полюбопытствовал заглянуть в соседнее Моннако, где его соотечественники оставляли баснословные суммы, и такое его поведение невольно внушало уважение. Жена его, как теперь вспомнила Амалия, показывала ей фотографическую карточку их сына — кажется, его звали Дмитрием. Довольно блеклая женщина, и одевалась она всегда в неброские, однотонные платья самого безыскусного фасона. В ее мясистом лице было что-то овечье, но однажды Амалии довелось услышать, как дама распекает официанта, осмелившегося подать ее мужу слишком холодное питье, — даже голос ее изменился тогда, став металлическим, а в лице и подавно не осталось ничего по-

корного — оно выражало одну злую, непреклонную решимость. Амалию, которая вообще считала, что все люди состоят из контрастов, немало позабавила подобная перемена. И все же, хотя баронесса ничуть не была снобом, она сознавала, что между ней и Верховскими очень мало общего и пребывание на популярном курорте вовсе не сглаживает разницы. В сущности, Амалия вообще слишком отличалась от остальных людей, чтобы считать кого бы то ни было из них ровней себе. Прежде она вела жизнь, насыщенную самыми разнообразными приключениями, хоть и делала это не вполне по своей воле. Потом были болезнь, трудное выздоровление, санатории, возвращение в Петербург... Заболевание туберкулезом было таким дамкловым мечом, который постоянно висел над ее семьей, от него умерли отец и родной брат Амалии, но она осталась жива. Баронесса была почти уверена, что в Петербурге мало кто заметил ее отсутствие, кроме самых близких, самых дорогих людей, но, как оказалось, была не права. Амалия вспомнила человека, который приходил к ней вчера, и поморщилась...

— А хиромант — это тот, кто будущее предсказывает? — спросил, перебив ее мысли, Билли.

— Да, по линиям руки, — отозвалась Амалия.

— Ух ты!

Тон молодого человека заставил молодую женщину улыбнуться. Она вновь прочитала письмо и вздохнула.

— Графиня Толстая... Будем надеяться, что не та Толстая, о которой все говорят.

— А та, о которой все говорят, она кто? — заинтересовался Билли.

— Весьма заурядная, но скандальная особа, кото-

рой нравится изображать из себя *femme fatale*¹, — фыркнула баронесса. — Даже ее собственная семья не поддерживает с ней отношений. Но она получила недавно наследство от деда, который в ней души не чаял, так что мнение родных ей в высшей степени безразлично. Она живет в основном за границей, раз в полгода переходит в новую веру и меняет любовников как перчатки. Сама себя считает меценаткой и покровительницей искусства, но ради блага искусства я надеюсь, что она все же ошибается.

— О, — только и выдохнул Билли. — А, случаем, не та Толстая, из-за которой художник застрелился?

— Она самая, — подтвердила Амалия. — Но я не думаю, что у Верховских окажется именно она. Все-таки они не ее круга люди. Так что ты скажешь, Билли?

— О чем?

— Если хочешь, можем пойти в театр. А нет, так отправимся в гости к Верховским. Все равно на сегодня у нас нет больше никаких дел.

Билли немного подумал.

— В театре смешная пьеса? — деловито осведомился он.

— Не знаю, — рассеянно отозвалась баронесса. — Но всегда можно выбрать.

Билли вздохнул. В то мгновение он больше всего походил на непоседливого школьника, прочно застрявшего в старших классах. Впрочем, впечатление определенно было обманчивым, потому что на самом деле возраст невысокого блондина с детским выражением лица приближался уже к тридцати годам.

— Я вот о чем подумал, — сказал он. — Пьеса бу-

¹ Роковая женщина (*франц.*).

дет и завтра, и послезавтра, и когда угодно. И вообще, неловко обижать людей, если они нас пригласили.

Амалия улыбнулась.

— Одним словом, ты выбрал хироманта, — поддразнила она своего друга. — Хорошо, будь по-твоему. — Баронесса повернулась к горничной: — Передайте посыльному, что мы с моим кузеном сердечно благодарим Павла Петровича и принимаем его приглашение.

Билли потупился. Ему очень нравилось, когда Амалия называла его кузеном, хотя они ни в коей мере не являлись родственниками. Впрочем, люди повсюду и так принимали их за брата и сестру, потому что молодой человек и блондинка заметно походили друг на друга. Только Амалия выглядела более утонченно и держалась как настоящая светская дама, а Билли явно пренебрегал светскими манерами. Они определенно получили воспитание в разных кругах, но если бы кто-нибудь осмелился при Амалии сказать что-либо дурное о ее «родственнике», ему бы не поздоровилось. О том, что бы произошло с человеком, который вздумал бы задеть Амалию, лучше вообще не говорить. Несмотря на два промаха из шести, стрелял Билли чертовски метко.

ГЛАВА 3

ПЕРВЫЕ ГОСТИ

— Иван Андреевич, голубчик, как я рад вас видеть! Евдокия Сергеевна, дорогая! Счастлив приветствовать вас под сим скромным кровом! — И статский советник Верховский закружился колобком во-

круг дорогих гостей, улыбаясь, кланяясь, пожимая руку начальнику, рыжеватому господину лет сорока, и уже через мгновение целуя руку его жене, высокой сухопарой даме с вечно недовольным, кислым лицом. — Аннушка, Митя, к нам пришли!

Анна Владимировна сияла, Павел Петрович сиял, гости расточали улыбки, и только Митенька Верховский, единственный сын статского советника, чувствовал себя не в своей тарелке. Новый костюм, который маменька озаботилась пошить у хорошего, однако же не слишком дорого берущего за свою работу портного, жал немилосердно, очки то и дело норовили съехать на кончик носа, а когда Митенька сделал попытку по примеру папеньки поцеловать сухую руку Лакуниной, и вовсе чуть не свалились с позором на пол.

Юноша распрямился, красный, как вареный рак, мысли его заметались. Зачем, ну зачем маменька затеяла этот никчемный вечер? И добро бы пригласили каких-нибудь умных, *мыслительных* людей, с которыми и поговорить приятно, и есть что обсудить — к примеру, социальную справедливость или теорию немца Маркса. Так нет же! Изволь теперь выслушивать всякий вздор, который будет с умным видом изрекать усатый рыжий олух Иван Андреевич, или отвечать на любезности Евдокии Сергеевны, которая вечно цедит слова сквозь зубы, словно оказывает собеседнику невесть какую милость. Она и прежде была не слишком приятна в общении, а как ее почтенный супруг загремел в тайные советники¹, так и во-

¹ Тайный советник — чин 3-го класса, соответствовал генерал-лейтенанту в армии; статский советник — чин 5-го класса.

все сделалась невыносима. Как же они оба смешны, с их дутым высокомерием и вымученной сердечностью! Ни единого искреннего слова, все какие-то нелепости вроде:

— Ну, как поживаете, Митенька?

— Благодарю вас, Евдокия Сергеевна, — едва слышно отвечал юноша, — хорошо.

— Учитесь?

— Он собирается в университет поступать, — вмешался Павел Петрович, — в следующем году.

— О, хорошо. Просто замечательно, — покровительственно одобрил Иван Андреевич. — По какому отделению намерены учиться, молодой человек?

Митенька, чье терпение истощилось, хотел было весьма неучтиво брякнуть: «Ни по какому», но его опередил отец:

— По юридическому, я думаю. Впрочем, мы сначала посоветуемся с Константином Сергеевичем, он обещался быть у нас сегодня. Сами знаете, сегодня даже университетам нельзя доверять. Всюду сплошное свободомыслие и непочитание старших.

Митенька надулся. Евдокия Сергеевна посмотрела на него и отвела глаза. Совершенно непонятно, о чем думал ее супруг, Иван Андреевич, принимая приглашение ехать в гости, когда собственный дом до конца не устроен, — воля ваша, но это верх неразумия. А ведь она предлагала отказаться вежливо, мол, заняты, не сможем нанести визит, но Иван Андреевич настоял. Нехорошо-де обижать Павла Петровича, такой душевный человек, почти двадцать лет знакомы, можно сказать, дружим домами, а нынче дружба — ой какое редкое явление, и друзей ну никак нельзя терять. «Тоже мне, дружба!» — мысленно усмехнулась Евдокия Сергеевна. Просто Иван Анд-

реевич помешан на охоте, а Павел Петрович, хитрец, давно прознал об его пристрастии и тоже охотником знатным прикидывается. Просто используют Ивана Андреевича, доброту его зная, все, кому не лень! Ничего, уж в столице она позаботится, чтобы вокруг него нахлебники не вертелись. Никаких бедных родственников и денег в долг, никаких «приехать и пожить маленько»! И протекций никому не давать! Вон и Анна Владимировна небось, когда ее Митенька в очередной раз провалится на вступительных экзаменах в университет, явится к ним просить о помощи... Евдокия Сергеевна неприязненно покосилась на юношу. Тощий, длинный, как ни причесывается, голова вечно лохматая, то и дело поправляет очки — недоросль, право слово, чистый недоросль, а ведь ему уже двадцать скоро. Только и делает, что книжки какие-то дурацкие читает, и физиономия предерзкая. (Митенька, кстати, в тот самый момент, с мученическим видом стоя неподалеку от нее, мечтал о том, как после постылого званого вечера удерет к себе читать очередной том Бокля.) Вырастила нигилиста Анна Владимировна, ничего не скажешь! Такой и бомбу кинуть может, и зарезать, с него станется.

Но тут супруге тайного советника пришлось отвлечься от дурных мыслей, потому что Павел Петрович повел дорогих гостей осматривать дом.

— Прошу, Евдокия Сергеевна, только после вас! Вот-с, здесь большая гостиная, не угодно ли. — Он гордо указал на рояль, на диваны, обитые неопределенного цвета материей, на столики, где стояли вазы с цветами.

Ай-ай-ай, подумала Евдокия Сергеевна, а на цветы-то денег пожалели, видно, что подвялые. Все Аннушка с ее экономией. Небось в «Ниццкой флоре»

заказала за полцены розы, которые возвращают после гулянок из некоторых ресторанов. И мебель, прямо скажем, подкачала. Столики в одном стиле, диваны в другом, стулья в третьем.

Тайная советница поймала на себе взгляд Анны Владимировны, ищущий одобрения, и широко улыбнулась. Все ее плохое настроение как рукой сняло.

Павел Петрович повел гостей в столовую, в бильярдную, в курительную комнату. Гости хвалили, Анна Владимировна сияла, Митенька тосковал.

— Что у нас тут? — сам себя спросил Павел Петрович и сам же себе ответил: — Ах да, малая гостиная. — Они вошли в комнату, где стояла мебель под старину с множеством завитушек, а на стенах висели ружья и кинжалы в затейливых ножнах. — Мы ее обставили во французском духе, — пояснил Павел Петрович, глядя на гостей влажными, сияющими глазами.

«Обстановка во французском духе именуется «веселый дом», — помыслила про себя Евдокия Сергеевна кисло и стала обмахиваться веером. Но ее мужа французская комната заинтересовала чрезвычайно, особенно ружья на стенах. Павел Петрович, польщенный интересом начальника, показал ему все ружья и дал о каждом краткие сведения.

— Это охотничье ружьецо. Помните, прошлым летом мы с вами знатно на фазанов поохотились... — Он снял со стены очередное ружье. — Двустволка марсельская, фабрика «Лепелье и компания», — гордо объявил он. — Только позавчера приобрел по случаю...

Знаем мы твоего Лепелье, мелькнуло в голове у Евдокии Сергеевны. Небось тульский оружейник Чу-

челкин его делал, и никакой Марсель там и близко не валялся.

Однако Иван Андреевич ружье похвалил и, мало того что похвалил — в руках подержал, даже в окно прицелился. Свежеиспеченный тайный советник обо-жал огнестрельное оружие и все, что с ним связано. Если бы у него был сын, он бы первым делом научил его охотиться.

А сейчас он был просто рад, что ему предстоит провести хороший вечер в приятной компании Павла Петровича, его жены и остальных гостей. Молодец все-таки Павел Петрович! И человек он хороший, и в его обществе всегда душой отдохнешь. Нет в нем меркантильного современного духа, не выжига он, не честолюбец и не завистник. И охотиться вместе с ним всегда приятно, стреляет почти без промаха, и не надо опасаться, что ненароком угодит куда-нибудь не туда, в ногу егеря, к примеру, как иные недотепы. Нет, Павел Петрович — человек с понятием, не то что некоторые. И, пожалуй, хорошо, что он, Иван Андреевич, взял своего подчиненного с собой на новое место в Петербург. Конечно, он, Иван-то Андреевич, ему кое-чем обязан. Да что там кое-чем — многим, если говорить начистоту. Но это все в прошлом, и пусть оно там и останется, ни к чему об том сейчас думать.

Верховские повели дорогих гостей осматривать остальные комнаты, в которых, впрочем, уже не было ружей и вообще, с точки зрения Ивана Андреевича, не водилось ничего примечательного. Вскоре явилась Глаша и доложила, что пришел господин доктор де Молине. Евдокия Сергеевна, услышав имя приглашенного, поджала губы. Так и есть — Анна Владимировна и ее супруг не могли пригласить кого